

___4 июля 1991 г., там же

___Отпуск мой в Калининграде (с **11 июля по 22 августа**) в основном проходил по стандартной программе: поездки на заставу (мы с Митей за янтарём, Сашуля с Мишей за малиной и купаться), в Русское (мы с Митей опять же за янтарём, Сашуля за облепихой), во Владимирово - за грибами, в Зеленоградск - купаться.

___С янтарём у нас успехов заметных не было, на приличное "бросанье" ни разу не попали, зато видели, как мужики на берегу здорового кабана свеживали. Сашуля же и с малиной, и с облепихой преуспела, затарилась.

___Во Владимирово в этот раз повезло более или менее с белыми: первый выезд (**22 июля**) - 14 беленьких и 14 подберёзовиков, второй (**27 июля**) - 42 белых, 10 подосиновиков, около 80 подберёзовиков, третий (с Митей, **30 июля**) - 40 белых, 6 подосиновиков, 50 подберёзовиков, но белые в этот раз были уже только крупные, прихваченные червём, но красавцы - неописуемые.

___В Русском Митя топтал поляну мотоциклом, учился водить, в первый раз за руль сел. Из Вильнюса он вернулся запаршивевшим, но очень довольным. Правда, с сильно ободранной ногой: в Каунасе во время экскурсии - это ж надо умудриться! - в дырку на площади ногой провалился, в пролом решётки канализационного люка. Легко ещё отделался, мог бы и сломать ногу-то.

___В химической школе ему, кажется, больше всего компания понравилась, с которой он водился, по Вильнюсу гулял. Сумел купить там, кстати, себе кеды, которые "иностранцам" из Союза, как и везде, впрочем, в отношении к неместным, не продают - попросил какую-то тётеньку, и она ему купила.

___Конечно, ходили с ним на "Балтику", в этом сезоне, увы, не блиставшую. Вернувшийся Рудько был едва ли не слабейшим на поле, а лучшими - всё те же старики: Войтюк, Бирюков, Артёмов. Без Когана, Брагина, Елышева в нападении ничего не получалось, хотя команда и старалась, работала.

___А на рыбалки и не выезжал вовсе, и слухов о рыбе не было, да и в корсете не очень-то хотелось ни в камышах стоять, ни в резиновой лодке сидеть. Зато в море вдоволь накупался с детьми и внуком - и на заставе, и в Зеленоградске. Жары особой, правда, не было (плюс 22 градуса чаще всего, а воды в море - плюс 18), но и дождей не было затяжных, что делало погоду вполне летней. Очень хорошо однажды с Сашулей на пляже арбуз с булками трескали.

6 июля 1991 г., там же

В Концертном зале Норейку слушали. Ходили, разумеется, в гости и принимали гостей: на Сашулином дне рождения (он же и отвальная для Сашули перед отъездом в Мурманск) 16 человек было.

Серёже Лебле с молодой женой и пасынком дали комнату в общежитии, в двухкомнатной квартире с ещё одной жилищей. У него в гостях мы оказались с Ковалёвым, бывшим сотрудником Кочемировского, симпатичным и интеллигентным на вид, как-то он был с нами на пикнике на заставе, куда прикатил с женой и дочками на велосипедах из Калининграда - 40 километров!

Так вот после того, как Кочемировских "ушли" из университета, Ковалёв вскоре тоже ушёл - но куда? Нашёл место - в КГБ! И работал там до сих пор. Не помню, как за водкой мы выплыли на эту тему, но весь вечер Ковалёв горячо убеждал меня, что в КГБ есть порядочные люди, которые занимаются полезными для общества делами, борясь с организованной преступностью, и он, разумеется, в их числе.

Я с ним особенно-то и не спорил, так как лично к нему никакой неприязни не испытывал, сочувствовал даже, но и ведь ясно было, что про порядочность "гэбисту" лучше бы не рассуждать. Он и сам, похоже, это чувствовал, то-то и горячился,

оправдываясь. Но и соглашаться вежливо - да, да, конечно, - не мог: влип так влип, бывает, чего оправдываться.

___ В обсерватории парторганизация во главе с Надеждой Тепенициной (около 15 человек) коллективно (без Гострема и Иглакова) вышла из КПСС. Сочинили заявление: не хотим, мол, в одних рядах с Андреевой, Макашовым и Полозковым состоять; развесили в кирхе и в Ульяновке, и в райком отнесли.

___ Там почему-то потребовали индивидуальных заявлений (иначе не отпустят, что ли?), но наши коммунисты бывшие сочли, что и так сойдёт. Правда, через какое-то время Иванов с Лещенко, говорят, обратно вернулись: для дела, мол, нужно, для обсерватории якобы... Ну, артисты!

Новости политики: Ирак обнаглел - Кувейт захватил; США и СССР совместно (!) осудили Саддама Хусейна; Тер-Петросян избрали командиром Армении; Боря Ельцин по России разъезжает, всем свободу раздаёт.

___ С Мишей проходим по площади Победы мимо памятника Ленину. Внучек спрашивает меня вдруг:

___ - А правда, что Ленин всех убивал?

___ - Нет, - говорю. - Он сам никого не убивал. А вот по его приказам убивали. Он приказывал только.

___ - Вот за это его и убили.

___ **11 августа**, когда мы сугубо семейно отмечали Иринкин день рождения, 25 лет (кажется, Люда Лебле с Жанной и Витей были, а большой сбор гостей был за три дня до этого на Сашулином дне рождения), позвонил по телефону Дима, попросил меня позвать, а у меня попросил уделить ему несколько минут.

___ - Прямо сейчас?

___ - Да, если можно.

___ - А ты откуда звонишь?

___ - Из автомата напротив Вашего дома.

___ - Хорошо, сейчас выйду.

___ И я отправился на очередную встречу с зятем под обеспокоенные взгляды Сашули и Иринки, ничего хорошего от любых встреч с Димой не ожидавших.

___ С того дня как я его из нашей квартиры с предупреждениями выгнал, всего в слезах, а это почти месяц уже прошёл, мы больше не виделись, хотя Миша у Ужгиных изредка бывал, но обычно его Таня забирала. У них с Иринкой, кстати, сохранялись хорошие отношения.

___ Из Никарагуа вернулся Михалыч после инсульта, который его там хватанул, с повреждённой правой рукой и речью. Он избегал встреч со знакомыми, стеснялся, видимо, пропал на даче, из нашего семейства с Мишей только общался. Дима, по словам Тани, ухаживал за ним, массажи делал. Чем ещё он занимался, где работал и работал ли, мы не знали. Стихи писал, это наверное.

___ Ну и, конечно, он меня позвал, чтобы стих прочесть. Почему-то именно мне ему нужно свои стихи читать. То есть я понимаю, конечно, почему. Он меня уважает, я для него авторитет, хочет оправдаться - не совсем, мол, балбес. Но не чувствует почему-то, что стихи его я не воспринимаю, ничего в них не нахожу, мягко ещё говоря, а уж если искать начну, то найду, скорее всего, чушь и безграмотность, одни претензии.

___ Вот это я ему и сказал на его просьбу: не стоит, мол, ему и стараться, лишние только себе огорчения от моей критики получит. Но Дима настаивал.

___ - Вы же не знаете, Александр Андреевич! Я прошу Вас. Выслушайте сначала. Вы же не слушали ещё.

___ - Ну, Бог с тобой, давай.

___ Мы сели на лавочку под кустами во дворе нашего дома, и Дима прочёл мне заветное. Я терпеливо сидел рядом, но заставить себя вслушиваться не мог: и предубеждение, наверное, влияло, и то, что не было никакого желания слушать, и то, что под хмельком был уже слегка, из-за стола всё-таки вылез, куда и хотелось вернуться.

___ Когда Дима окончил чтение и спросил: - Ну как? - я пожал плечами.

___ - Да никак. Как обычно. Мура какая-то.

___ И я попытался придраться к какой-то строчке. Но тут Дима завопил:

___ - Но это же Бродский, Александр Андреевич! Это же Бродский, я Вам Бродского прочёл!

___ Тут уж я остервенел.

___ - Ну и что, что Бродский? Ты меня какого хрена тогда сюда вытащил? Бродского читать? Ты просился свои стихи почитать! Бродского я, если захочется, без твоей помощи почитаю. Ну ты нахал, батенька! Шутник! Пошёл ты в баню.

___ И я отправился домой.

___ Дима шёл рядом, что-то там возражая мне. Дошли до крыльца нашего дома. Казалось бы, осталось попрощаться и разойтись. Но этого почему-то никак не удавалось сделать. Какая-то сила удерживала нас на крыльце в бессмысленном обмене раздражёнными репликами.

___ *7 июля 1991г., там же*

___ Уже стемнело, а вышел я из дому ещё при солнце. Я сумбурно выговаривал Диме всё, что о нём думал, он препирался отчаянно и вроде бы хладнокровно, но вдруг словно что-то сорвалось в нём, и он истерично, злобно закричал:

___ - По какому праву?! Вы не имеете права судить меня!

___ - По какому праву? Ты о праве заговорил? Опомнись! Сам-то ты ничьих прав и правил вообще не признаёшь!

___ И тут ещё одна метаморфоза произошла с моим зятем, злобное выражение исчезло с его лица.

___ - Но ведь я люблю, люблю Ирину, и Мишу люблю, поверьте. Александр Андреевич! - выкрикнул Дима.

___ - Поэтому её и мучаешь?

___ - Но я, действительно, её люблю!

___ И он зарыдал.

___ Я сидел на крыльце рядом с ним, обнял его за плечи, он приткнулся головой к моей груди и стонал:

___ - Мне двадцать шесть лет, а я ничего, ничего не сделал!

___ Я гладил его по согнутой спине и испытывал невыразимо нежные чувства к несчастному. Бедный мальчик! От моей злости и следов не осталось.

___ - Ничего, ничего, всё образуется, не горюй.

___ Мы посидели ещё, Дима успокоился и только тяжело вздыхал. Я стал расспрашивать его о Михалыче, обещал зайти к нему перед отъездом. Дима сказал, что его отцу это будет приятно.

___ Я проводил его до дома, и мы расстались как любящие отец и сын.

___ Дома Сашуля и Иринка высказали своё неодобрение моей столь долгой отлучке и скептическое отношение ко всяким душеспасительным разговорам с Димой. На всякие слова о сочувствии и жалости у них был один ответ:

___ - А дочку твою и внука тебе не жалко?

___ Я был опустошён и спорить с ними не стал.

На следующий день, вспоминая прошедшее накануне, я решил позвонить Диме, чтобы закончить наш разговор на абсолютно трезвую голову. Вечера ведь я был, хоть и не

сильно, но выпивши, Дима даже это подметил, когда я бранил его. А перед отъездом надо бы было почётче сформулировать свои пожелания моему пока ещё зятю.

— Я позвонил ему и попросил подойти: хотел бы, мол, ещё несколько слов ему сказать, а то вчера сумбуру много было, не в той форме беседовали, как следовало. Дима согласился.

— Появился он мрачный, держался сухо. Мы уселись на лавочке перед домом. Я сформулировал ему четыре пункта наставлений.

— Во-первых, не пить. Пить ему нельзя совершенно, раз до белой горячки допивается.

— Во-вторых, не врать. Приучился по любому поводу лапшу на уши вешать, скоро никто ни одному слову его верить не будет.

— В-третьих, на жизнь зарабатывать. Надеяться на литературные заработки - смешно, несерьёзно. Если что и перепадёт - слава Богу, но ведь мы на западный манер перестраиваемся, а там от литературы не кормятся. К тому же отец его теперь инвалид, отходил в моря, на материну шею, что ли, садиться собирается?

— И последнее, с Иринкой отношения не выяснять. Бесполезно это. Только хуже делает. Надо быть мужчиной. Вряд ли Ирина к нему вернётся, а с его приставаниями - тем более.

— Дима выслушал всё молча, насупившись.

— Я так и знал, что Вы именно это мне скажете. Всё правильно. Вы совершенно правы.

— Ну, а коли так, до и до свидания. Я только это и хотел сказать. Перед отъездом я к вам ещё зайду с Михалычем попрощаться. Всего доброго.

— До свидания.

([продолжение следует](#))

[Главная страница](#)

[Путеводитель по "Запискам рыболова-любителя"](#)